

Карета направилась не в княжескую усадьбу, а к кузнице.

Хозяин лавки, смуглый, круглолицый ремесленник, заметив меня, тут же выбежал навстречу:

— Господин, всё готово!

— Показывай, — едва сдерживая нетерпение, откликнулся я.

Он ушёл в задние покои и вскоре вернулся, бережно держа в руках продолговатый лаковый футляр из резного сандала. Вытерев руки влажным полотенцем, кузнец осторожно приподнял крышку.

Я прищурился от вспыхнувшего ледяного блеска.

Внутри покоился изящный клинок из кованой стали, тонкий, точно крыло цикады. В его зеркальной глади отчётливо отразились мои глаза. Полотно было едва толще волоса — на солнце под определённым углом казалось, будто меч вовсе растворяется в воздухе. Рукоять же, выточенная из нефрита Хэтянь, приятно холодила ладонь: зимой этот камень сохранял тепло, а летом дарил прохладу.

— Как вы и заказывали, господин, — добродушно улыбнулся кузнец. — Для меча взяли самые лёгкие металлы да отковали истончённо, всего в четыре ляна весом.

Я остался предельно доволен.

Из-за повреждённых меридианов в руках Цзи Минчэнь не мог поднимать тяжести, но такое невесомое оружие наверняка пришлось бы ему по душе.

Тот собачий император на севере заявил, будто Минчэнь отныне и до конца дней не сумеет сжать в руке клинка. Что ж, я заставлю его слова стать ложью.

Вернувшись в усадьбу, я первым делом устремился к спальным покоям.

Он не любил выходить во двор, так что сейчас наверняка сидел у резного окна из ценного грушевого дерева, греясь в лучах полуденного солнца за книгой. Представилось, как он лениво откинется на спинку кресла, подставив лицо теплу, и станет дремать, мерно взмахивая длинными ресницами.

Я радостно распахнул двери и воскликнул с порога:

— Небожитель, я принёс тебе!..

Голос застрял в горле. Я замер.

В комнате никого не было.

Книги, которые он обычно листал, ровными стопками лежали на столе. Постель была безупречно заправлена — ни единой мятой складки. Жаровня давно остыла. Даже резное кресло стояло придвинутым к столешнице, а оконные шторы оказались аккуратно подвязаны — хотя он больше всего любил смотреть, как белый шёлк трепещет на ветру.

В этой промозглой, выстуженной спальне не осталось ни единого следа его присутствия.

В глазах потемнело, ноги вмиг стали ватными. Навалилась такая слабость, какой я не чувствовал даже тогда, когда полдня простоял на коленях в Зале Усердного Правления.

Уходя, он смотрел мне вслед, но так и не пообещал дождаться. Неужели это было его скрытым прощанием? Впрочем, ему не привыкать... В посольстве Палаты государственного этикета он поступил точно так же.

Дыхание перехватило, я начал оседать на пол. Сяфэн и Дунцзы подскочили, подхватив меня под руки. Они что-то тревожно заговорили, но слова тонули в оглушительном гуле, стоящем в ушах. Всё вокруг размылось, остался лишь бешеный, выколачивающий рёбра стук собственного сердца.

Он ушёл. Опять бросил меня и ушёл.

Заметить бы раньше! Ведь только со мной на его лице появлялась улыбка, только со мной он заговаривал, а всё остальное время погружался в молчаливую тоску. Да и в наших разговорах чаще щебетал я, пока он лишь безмолвно слушал.

О своём прошлом он так ни разу и не обмолвился. Он всё ещё не пережил ту боль, всё ещё страдал в одиночестве.

Почему же я понял это только сейчас? Слишком поздно...

В голове невыносимо гудело, от нахлынувшего отчаяния череп готов был расколоть болью.

И вдруг сквозь этот хаос пробился звонкий девичий голос, прозвучавший удивительно чётко:

— Что с Вашим Высочеством? Господин Цзи упражняется в заднем дворе, я как раз собиралась

доложить, что вы вернулись!

Шум в ушах мгновенно сгинул. Я ошеломлённо уставился на служанку, страстно желая расспросить её, но язык отнялся от волнения.

Чуньли с участием повторила сказанное. В её добрых глазах читалась искренняя тревога.

В эту минуту я был готов расцеловать её.

К горлу вернулся дар речи, и я услышал собственный, сиплый до неузнаваемости голос:

— Веди... меня туда.

Сяфэн и Дунцзы довели меня до сада за спальными покоем. Направив взгляд на силуэт, застывший в лучах заходящего солнца, я наконец ощутил, как отступает ледяная тяжесть из груди. В ноги вернулась сила; я мягко высвободил локти из рук слуг и невольно сделал несколько шагов вперёд.

На нём было то самое белоснежное одеяние с неброским золотым шитьём, которое нравилось мне больше всего. Движения его дышали лёгкостью и ловкостью — ни следа недавней немощи или долгого заточения в постели. Он то взмывал вверх, то совершал стремительные выпады, то наносил уколы ладонью; каждый шаг перетекал в следующий с естественной, безупречной грацией. Закатное солнце подсвечивало капли пота на его висках — казалось, сейчас он был по-настоящему увлечён.

Ныне его силы связывал порошок, расслабляющий мышцы. Но каков же он будет, когда яд полностью покинет тело? Истинный избранник небес, непревзойдённый и величественный!

Заметив меня, он остановил движение и пошёл навстречу.

— Вернулся? — чуть улыбнулся он.

Я смотрел на него и беззвучно шевелил губами, не в силах вымолвить ни слова. Пальцы предательски и крупно дрожали.

Он тоже это заметил. Положив ладонь мне на плечо, Минчэнь заглянул в глаза:

— Что стряслось?

Я оцепенел, смотря на него, а затем медленно опустил взгляд. Будь я прежним, непременно разрыдался бы, дабы выплеснуть нахлынувшие чувства. Глаза и впрямь щипало от влаги, но я

изо всех сил заставил себя сдержать слёзы.

— Хочу кое-что тебе подарить, — тихо проговорил я.

Сяфэн тут же поднёс сандаловый футляр. Я приоткрыл крышку, показывая клинок.

Минчэнь лишь мельком глянул на оружие и снова перевёл взор на меня.

— Что с тобой? — повторил он. — Почему ты не рад?

Я молча разглядывал шёлковые кисти у него на поясе, до боли сжимая пальцы в рукавах, чтобы пересилить желание прикоснуться к ним.

— Тебе не нравится? — еле слышно пробормотал я.

— Нравится.

Он подхватил меч и привычным, ловким движением отправил его за пояс: гибкое полотно скользнуло вдоль ткани, обернувшись вокруг талии. Кушак для него изготавливали по моему личному заказу, превратив в сокрытые ножны. Я ведь знал, что всякому мастеру боевых искусств полагается гибкий меч, так отчего мой Небожитель должен оставаться без него?

Минчэнь взял меня за руку и мягко спросил:

— Тебя кто-то обидел? Расскажи мне.

От его ласкового тона слёзы подступили к самому горлу. До смерти хотелось уткнуться носом в его шею, обнять за талию и поведать о том, какой ужас пережило моё сердце минуту назад... Но я лишь крепче сжал губы, заглушая подступающий всхлип.

Я и без того липну к нему без меры. Едва потерял из виду — и уже поддался панике, решив, будто он сбежал. Не подумает ли он, что я удушаю его своей опекой, будто тюремщик? Не почувствует ли отвращения?

К тому же... навряд ли он любит меня так же сильно, как я его.

Я ведь мечтаю касаться его губ каждый день. А он сам ни разу меня не поцеловал. Со дня нашего последнего тайного поцелуя прошло уже тридцать три дня...

Он совсем не хочет меня целовать.

Минчэнь всё ещё ждал ответа. Не поднимая головы, я глухо уклонился:

— Я проголодался.

Когда на душе тоска, еда не лезет в горло. Кое-как поклевав за ужином, я улёгся подбородком на стол и погрузился в оцепенение.

Притворяться дураку даётся плохо. Как бы я ни пытался изобразить беззаботность, Цзи Минчэнь всё равно беспокойно следил за каждым моим движением. Больше всего на свете мне хотелось остаться одному хоть на время горения одной ароматической палочки — просто выреваться в тишине.

Но он не отводил от меня тёплого, сочувственного взгляда. Несколько раз я чуть было не выложил всё как есть, но в последний момент заставлял себя умолчать.

Если я не поплачу прямо сейчас, сердце просто разорвётся.

— Хочу ветку мейхуа, — выдохнул я.

Он поднялся, ласково погладил меня по голове и вышел во двор.

Стоило его силуэту скрыться за дверью, как я уткнулся лицом в подушки и дал волю слезам. Я рыдал навзрыд, глуша всхлипы в одеяле и выплёскивая всю копившуюся боль и страх.

Не знаю, сколько прошло времени. Когда слёзы немного иссякли, я отрешённо поднял голову и сквозь пелену влаги увидел стоящего рядом Цзи Минчэня. В руке он держал ветку нежно-розовой зимней сливы. Неизвестно, как долго он простоял у кровати, молча наблюдая за мной с нечитаемым выражением лица.

Я судорожно попытался смахнуть слёзы, но он сел на край постели и тихо произнёс:

— Плачь, если нужно.

Эти слова сработали словно заклятие — удерживать слёзы стало невозможно, и они хлынули с новой силой. Он привлек меня за плечи, баюкая и нежно поглаживая по спине.

Наконец я затих.

— Я чем-то огорчил тебя? — спросил он. — Оттого ты и не хотел плакать при мне?

Я отчаянно закрутил головой. Он был лучшим на свете, как он мог огорчить меня? Это я сам во всём виноват — вечно поддаюсь страхам и боюсь не удержать его рядом.

— Тогда почему ты расстроился? Поделись со мной, хороший мой.

Он сидел так близко, смотрел прямо в глаза, а его голос звучал почти гипнотически.

Я молчал. Но он повторил вопрос — всё так же мягко и терпеливо. И я не выдержал. Перед ним у меня никогда не было защиты.

Выслушав мои сбивчивые, путанные объяснения, он на мгновение замер, а затем с видимым облегчением вздохнул:

— Так ты из-за этого?

Когда всё вырвалось наружу, на душе стало гораздо легче. Я прижался к его руке и тихо спросил:

— А ты что подумал?

— Решил, будто тебя обидели во дворце, а ты молчишь, понимая, что у меня нет сил защитить тебя, и жалоба ничего не изменит.

В его тоне проскользнула такая беспросветная горечь, что у меня перехватило дыхание от боли за него.

— Не смей так говорить! — запальчиво воскликнул я. — Ты просто отравлен и ранен! Вот заживут раны, сойдёт яд — и ты снова станешь самым сильным!

И я принялся с жаром рассказывать ему о поездке на Гору Духов для лечения, о том, что с нами поедут лучшие придворные лекари, о том, что яд скоро будет побеждён, и он снова сможет скакать на коне и натягивать тугой лук.

Он мягко улыбнулся:

— Хорошо.

Но тут выражение его лица снова стало серьёзным. Он пристально посмотрел на меня и позвал:

— Чу И.

Я сжал его ладонь. Каждый раз, когда он произносил моё имя, у меня вспыхивали щёки.

— Я уже говорил тебе: я принадлежу тебе. И если кто-то из нас и уйдёт, то только потому, что ты сам прогонишь меня. Пока ты не укажешь на дверь, я останусь подле тебя. Посему не тревожься понапрасну, договорились?

Он сделал паузу и добавил:

— И ещё... Что бы ни случилось, какая бы печаль ни коснулась тебя — рассказывай мне. Если я сделаю что-то не так, если тебе станет больно от моих слов или поступков — тоже говори. Зачем таить всё в себе? Так ведь и заболеть недолго.

Я заворожённо смотрел, как смыкаются и размыкаются его красивые губы. В голове осталась лишь одна единственная мысль: раз он говорит, что можно делиться абсолютно всем, значит... об этом тоже можно спросить?

Зачарованный видом его мягких, алых губ, я пролепетал:

— Тогда... почему ты не...

«...не поцелуешь меня?»

Остаток фразы потонул в громком, глуховатом хохоте, раздавшемся от дверей:

— Ваше Высочество, хе-хе! А ведь моё пророчество-то сбылось, а?

Я в ошеломлении повернулся на звук. Узрев хитрую, пройдошливую физиономию Цю Гуаньи, я впервые в жизни ощутил страстное, непреодолимое желание совершить убийство.

<http://bllate.org/book/20619/2132255>